

ТЕЛА ПРОШЛОГО

История плохого романа и его автора

Поиски моего друга тихо закончились в полицейском кабинете. Скорее всего, они им и ограничились.

Родители верили, что он жив. Андрей, говорили они, не раз собирался куда-то уехать. Позвонит или напишет. Я не сказал им, что отъездом без упоминания конечного пункта обычно называют что-то ужасное, одинокое, волевое. Мой друг просто собрался и вышел из дому в первых числах июля, – никакой записки, никаких вещей, взятых с собой. Его квартира стоит нетронутой. Мать иногда убирает там, моет полы. Я попросил у нее ключи, и она не сразу решилась их дать мне.

– Зачем вам?

– Мы вместе работали одно время, вы знаете? Хочу кое-что найти.

– Вы будете рыться в его вещах?

– В компьютере. В крайнем случае, в бумагах.

– Ну, не знаю... Ладно, возьмите, я надеюсь на вашу порядочность.

Пожалуй, другим знакомым Андрея она не сделала бы такой уступки. Да, первое время по окончании института мы тесно общались, я приходил к ним в гости. Потом Андрей поселился в том меланхолическом районе, где все дома похожи на корпуса больницы. Я помог ему устроиться в нашу контору, и какое-то время он трудолюбиво сидел за компьютером, отстукивая счет-фактуры для экспедиторов. Он грустил, забавлялся детскими книжками, не желал провожать до остановки девушек и напрашиваться к ним в гости. Он выбивался из нашей компании.

– Я писатель, – признался он мне. – Это мое призвание.

– Мы ведь на менеджеров учились, – сказал я.

– А я с детства книги пишу. Три рассказа уже напечатали.

– Да ты что, Андрюша! Дай почитать-то?

– Ты никому только не говори, дам...

Так я узнал о его увлечении. Писатель он был посредственный

– он сам так о себе говорил. Рост мастерства у него продвигался туго. Рассказы его публиковали в любительских альманахах, и ни один серьезный журнал не откликнулся на его послания. Назвать это гордо «призванием» я бы не отважился – увлечение, не более.

И, какобычно бывает в жизни, мы растерялись. Андрюша уволился, мы стали реже звонить друг другу, а потом я потерял телефон, возвращаясь под Новый год с работы. Я знал, конечно, где он живет, мог бы приехать в гости, но тут случилась моя женитьба, и было не до того. И лишь недавно бывшая одногруппница написала мне, что Андрей пропал, его ищет полиция. Заявление туда подали не родители, а знакомые Андрея с работы. Возможно, в какой-то другой стране нерадивое отношение старых родителей к поискам сына вызвало бы подозрение в органах, и они подверглись бы разработке. В нашей стране розыски и их результаты вылились в две страницы письма, сообщившего, что все безуспешно.

Андрюша был с детства странный. Мы выросли по соседству, вместе играли, ходили в одну школу. Близкое наше знакомство состоялось лишь в институте. Каким он был в детстве? Я почему-то помню Андрея на фоне сугробов, в теплой шапке и валенках, растирающего по лицу пот. Мать хорошо его укутывала. Летом его всегда увозили на дачу, где он бог весть, чем занимался, и общение его со сверстниками проходило зимой и осенью. В любые морозы Андрюшу не загоняли домой. Его любимой игрой был обстрел. Мы строили крепости, наготовливали снаряды и начинали пальбу. Притащив палку, Андрюша резал снег кусками и водружал в виде башни. Однажды, я помню, он взялся копать туннель внутри горки, и выкопал целую пещеру, пока чей-то папаша не отчитал его. Сейчас мне кажется, что он норовил спрятаться, закопаться.

Весной он пускал по ручьям спички или обрывки пенопласта, шлепал по лужам. На улице это был обычный парнишка. Странность его открывалась на школьных занятиях: он стеснялся читать стихотворения, давился и кашлял, от стыда нагибая голову... Впрочем, я предвзят. Многие дети стесняются у доски. Странность его была в том, что он приносил в школу книжки, которые читал, и всем показывал. Одну даже, я помню, порвали, и Андрюша заплакал. То, что он много читал, позже сказалось в его успехах по истории, географии и философии. Да, ему не на менеджера стоило учиться, но он послушал родителей. Он неизменно их слушал.

Тем не менее, он не был каким-нибудь вундеркиндом, гением.

Обычный подросток, который просто не начал курить в девятом классе, как большинство из нас, который не провожал девочек до дома. Лет в 16 он отделился от нашей компании и почти не выходил из квартиры. А затем мы встретились с ним в аудитории института.

В институте он влюбился в нашу одноклассницу. Она ему абсолютно не подходила: Андрей был бесцветен. Его выделяла незапоминающаяся, как бы незавершенная внешность. Его лицо заставляло себя додумывать, и всякое новое, отраженное им чувство меняло его. Присущая ему бледность засасывала, смягчала его черты, выражающие тысячелетнюю русскую мягкотелость. Объект влюбленности имела черные, как у злой кобылицы, неизменно распущенные волосы и темные зрачки, обведенные золотыми протуберанцами. На лекциях она сидела недалеко от нас, и Андрей, чуть повернув голову, воровал ее профиль для нужд сердца. Да, это была идеальная романтическая влюбленность, о которой писали лет двести назад. Взаимность Андрею была не нужна, она испугала бы его, разочаровала. Да ее и не могло случиться, объект был старше нас на пять лет и имел ухажера.

Я не часто бывал в этом районе. Андрей приглашал меня в гости всего однажды, и ему район нравился. Дома здесь двух или трехэтажные, с печным отоплением, дворики замкнутые, всюду сараи. Пробираясь по оттаявшей грязи, я мысленно разминал тоску, налегшую мне на грудь. Мимо меня проходили люди с ведрами, кто-то тащил из сарая дрова. Весеннее утреннее солнце над мутным, заплаканным горизонтом проталкивало в мир тонкие, как бы еще случайные нити тепла, которые рвал и отшвыривал ветер.

В квартире Андрея было холодно, как на улице. Я решил, что без тепла там не выжить, набросил Андрееву телогрейку и спустился в сарай, набрал чурок и затопил печь. Согрел кипятка. Мне даже нравилась эта новая роль исследователя, а также то, что я мог уйти отсюда, что у меня был другой дом. Квартира Андрея состояла из двух комнат с высокими потолками. В холодном и темном углу стоял компьютерный стол. Меня удивило, что со дня переезда А. так и не разобрал коробки с книгами. Из удобств присутствовала только холодная вода, так что я запретил себя много пить.

Все-таки это странное впечатление – нахождение в чужой комнате, среди незнакомых вещей. Казалось бы, нам известны все

формы вещей, но тут-то и понимаешь, что смысл и содержание их всегда субъективны. Для одного человека книга – источник видений и информации, а для другого – замена диванной ножки. И еще я где-то читал, что вещь одушевлена, но лишь в какой-то период нашей жизни. Потом она уже чувств не дарит, а забирает их.

К моему ужасу, аппарат не работал. Заплывшая пылью машина бездействовала, и на экране я различал свое скомканное отражение. Системник слабо гудел, мигали огни, но монитор оставался покинутым мертвым зеркалом. Я выключил компьютер и задумался: зря пришел, наглотался холода и печного дыма. Теперь жди, пока дрова прогорят. Нет, должны быть бумаги. Их нужно найти. Ведь я же читал рукописи рассказов.

Коробка с книгами была единственным направлением поисков и, открыв ее, я доставал и откладывал в сторону книжки Андрея, многочисленные тома писателей и поэтов времен романтизма. Я не ошибся, мне попадались тетрадки, старинные папки, перевязанные шнурками. Рукописи, предмет обожания многих коллекционеров. Да, это странно: написанный от руки текст с частыми правками так легко не заметить, не разобрать слов, с раздражением отшвырнуть – зато печатный текст, какой бы ущербный смысл он ни распространял, всегда привлекает внимание.

Я заметил, что некоторые тетрадки и папки помечены словом «роман». Андрюша дерзнул на роман! Печка угрюмо горела, и тепла ее пока что не чувствовалось. За окном произрастал тополь, и в свете проступившего солнца его ветки точно струились, отбрасывали свои тени на соседние ветви, увеличивая их число. Деревья оттаивали, выталкивали стужу зимы. Шлепая по воде, кто-то ходил по двору.

Итак, у меня был роман «Двойное нашествие», синопсис к нему и несколько планов. Роман в духе фэнтези: другой мир, гоблины, чудища, герой и прочая ерунда. Роман либо не оконченный, либо большая его часть затерялась. С рассказами Андрюшиными я был знаком, а роман в его исполнении, состоявший из 11 сохранившихся глав, отпугивал меня объемом и темой.

Собственно, зачем я пришел? Что мнил найти в квартире пропавшего человека? Я ведь пришел просто так! Как глупо. Андрей исчез прошлым летом, почти год назад. Могла ли сохраниться в квартире улика, не замеченная никем прежде? И искал-то я

именно рукописи, хотя и знал, что они мне неинтересны...

Нет, я способен сделать для друга лишь малое: прочесть его книгу. Я подвинул стул к печке, уложил тетрадки рядом и начал читать. Тут на лестнице часто протопали и в дверь размашисто постучали. Я затих, не хотел открывать. Но голос пожилой женщины окликнул:

– Андрей! Ты вернулся?

Мне показалось, что это голос Андреевой матери, и я сказал:

– Зинаида Юрьевна?

– А? Нет, это Анна, снизу соседка! Андрей, это я!

Я открыл дверь и впустил женщину лет 50 с яркими крашеными волосами, довольно худую, набросившую на плечи короткую зеленую кофту.

– Ой, мамочки, я слышу возня, а это вы! Я снизу, снизу пришла, – пояснила она. – Обрадовалась, думала, что Андрей вернулся.

– Вы с ним знакомы?

– Ну конечно! А вы-то, поди, из милиции?

– Нет, я его друг... И пришел... – я замаялся ответить: зачем.

– Ищите его, тоже ищите?

– Не то чтобы ищу, просто хочу понять...

– Да, – грустно кивнула она.

– Что, хороший сосед, раз так его жалко?

– Прекрасный сосед!

Здесь я понял, что она слегка пьяна, а женщина уже изливала мне душу: с Андрюшей у них любовь, хоть он и молод еще.

– Не верю, – сказал я.

– Ну! – возмутилась она, дергая себя за волосы. – А что тут у вас так холодно?

– Не знаю. Печка горит уже два часа, а тепла нет.

– Какое в доме тепло без хозяина? А пойдёмте ко мне, побеседуем?

– Так ведь огонь... боюсь оставлять...

– Ничего с ним не случится, пойдёмте!

Ей определенно нужен был собутыльник. Мне было скучно и холодно, и я поддался, запер квартиру и пошел за ней. Женщина быстро сбежала по частым ступеням лестницы, вполоборота заглядывая на меня, и поманила пальцем в свое жилище. Она усадила меня за стол у низкого окна, заставленного горшками с сухой позеленевшей землей, и предложила выпить...

– Чаю, – предупредил я, и она расторопно зашевелилась возле

плиты. У нее было тепло, и я снял шапку и куртку.

Назвавшись Анной Дмитриевной, хозяйка нарисовала для меня картину доброй соседской любви и поддержки. Пришел раз Андрюша домой, в мороз, и не может в сарай попасть: замок замерз. На коленях сидит, трет, греет проклятую железяку, а ключ не проворачивается. Анна его позвала к себе – погреться, и, видимо, до того была неотразима, что Андрюша вступил с нею в связь. С того раза он часто к ней забегал.

– Слабо верится, – сказал я.

– Ну, а что? Я женщина молодая, детей не имею...

Если все это было правдой, то не лучшей. И все-таки я не имел оснований считать слова ложью.

– Он не говорил вам об исчезновении?

– Он мало со мной говорил. Даже стеснялся меня, как ребенок. И все равно приходил, тихонько стучался, я открывала.

– Но вы же о любви говорите, не о юродстве!

– Это он говорил, не я! Всегда говорил, в темноте: люблю вас! Я-то, конечно, тоже его любила, но как дите...

– Да уж, дите тридцати двух лет от роду.

– Ну, уж каков есть, правда? Вы не возражаете? – и она опрокинула третью рюмку.

– Пора мне идти, – сказал я. – Вы ничего мне не расскажете больше?

– Он у меня часто спрашивал про память. Ну, как она у меня работает, что я испытываю, когда вспоминаю. Говорил, если бы человеку удавалось переживать настоящую память, мы научились бы умирать и оживать по желанию.

– Чего? – ответил я, поднимаясь. – Что такое настоящая память?

– Да откуда я знаю.

Сколь неправдоподобно ни звучали слова этой женщины, я был склонен принять их. Они звучали вполне в духе Андрея – лишь его сознание человека романтической эры могло породить их.

Дровишки мои совсем прогорели в печи, и в квартире было так холодно, что мне стало плохо, заболел желудок. Я собрал все тетради под грифом «роман», запер дверь и ушел.

Не буду рассказывать, с какой неохотой я читал эти рукописи. Главное, я вспомнил о друге-редакторе и предложил ему их посмотреть.

– Кто является правообладателем? – сказал он мне по телефону неделю спустя.

– Автор. А в его отсутствие, по закону, родственники. Наверное... Тебе лучше знать.

– Родственники не заявляли о правах?

– Да какие права, к черту? Человек пропал прошлым летом! А эти рукописи, я убежден, никто и в глаза не видел.

– Значит... Так! Из этого кое-что можно сляпать и толкнуть в издательство...

– Неужели?

– Сам роман никуда не годится. Он сплошь состоит из шаблонов. Нахватано отовсюду. Но романов-то намечалось два, и второй, точнее, его идея, чего-то стоит.

– Два романа?

– У нас есть только развернутый план, но если внимательно изучить персонажей и ход повествования первой части, не столь уж и сложно его написать.

– Ты думаешь, за это кто-то возьмется?

– Я предлагаю нам взяться. Мог бы, конечно, и промолчать, и все сделать в тихую, но тебя обмануть не смею.

– Что я могу написать?

– Ты прекрасно писал сочинения в школе! Тебя хвалила Наталия Викторовна. Это стоящая идея, подумай.

– Верхов, а как же родители автора? Сам автор?

– Его же в живых нет!

– Это нам неизвестно.

– Если бы ты прочитал его книгу, то знал бы, что главный герой после великой победы уходит в изгнание, бежит от людей.

– И?..

– Ой, ну долго рассказывать, это тема как раз второй части... Он отправляется на планету своей девушки. Опять же с глупым и пафосным намерением: похоронить там ее нетленное тело. По пути они попадают в мир захватчиков, к тому времени уже выродившихся...

– Они?

– Он же не один летит. С ним ангел, клон его мертвой девушки, которую он называет дочерью. Они спят в анабиозе...

– Постой, но ведь и первый роман не окончен...

– Да. Автор намечал глобальный галактический эпос, но и сам, пожалуй, понял свою ошибку, бессилие мыслить оригинально. Я думаю так: надежды он возлагал именно на второй роман. Не случайно он написал синопсис первой части и вложил его поверх

планов второй. Понимаешь, я пытаюсь приобщить тебя к этому делу, потому что это твой друг, и материал выкопал ты...

Я подумал и сказал:

– С чего стоит начать?

– С изучения рукописи, конечно. Понять, почувствовать персонажей, хоть они и слабы, как личности.

– Верхов, одна просьба. Если роман получится и его согласятся печатать, в виде совместного псевдонима используем фамилию Андрея.

– Я не против. Дальнейшие разговоры оставим. Бери у меня писанину и вчитывайся, как будто это свод вековой мудрости. Эта книга может сделать нас богатыми, особенно если купят права на экранизацию...

– Ой, да ты ребенок, Верхов!

ЧИТАЙТЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА АМИНА ИЛЬДИНА
«ТЕЛА ПРОШЛОГО»
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ